

Сцена «Аквариум», напомнившая «Врата ада» Родена, потрясла зрителей

Урок анатомии по-немецки

Шок-хореограф спровоцировала ударную волну в присутствии московского правительства

■ Мария ФИЛИППЕНКО

Сначала никто не знал, Саша Вальц — это он или она (уже позже дошло, что в Германии имя «Саша» носят только девочки). А хореограф из бывшей ГДР и ныне худрук берлинского театра «Шаубюне», двигающая в Европе авангардный contemporary dance (что значит «современный танец»), любит к нам приезжать: может, у русских ничего подобного и нет, зато они понимают. На этот раз авангард прошел на высшем уровне — своим танцевальным спектаклем «Тело» в Театре Российской армии Саша Вальц открыла Дни Берлина в Москве в присутствии официальных лиц с обеих сторон.

Саму Сашу я увидела раньше, чем ее постановку, — в Берлине, в ресторане «Золото Рейна», куда она примчалась ровно на час для встречи с московскими журналистами. И сразу сказала, что боится двух вещей в связи с Россией: «у русских людей — большая связь с театром» и «у вас сейчас опасно играть, могут взять в заложники» (а Саша собиралась в Москву с шестилетним сыном и годовалой дочкой.)

Будущее представление хореограф комментировала неохотно и даже немного сердилась, ссылаясь на то, что нужно просто смотреть и воспринимать. Из Саши удалось вытянуть только то, что эта постановка — на основе ее исследований в Еврейском музее в Берлине. По ее словам, она пыталась понять, к чему приводят манипуляции человеческим материалом. «Я хотела внутренность вывернуть наружу», — с этой пугающей фразой в голове я и пришла на московское представление. И выяснила, почему Саша была такой уклончивой: уже через 10 минут после начала можно было перестать пытаться что-то понять, расслабиться и воспринимать происходящее буквально на уровне тела.

Вот огромная четырехугольная рама за стеклом, а в ней — скорченные голые тела. Адская мясорубка? Вот артисты рисуют друг на друге органы и громко объявляют: «Легкие — 77 тысяч евро. Печень — 103 тысячи евро». Пластические операции. Трансплантация волос. Генная инженерия. На сцену выходят мутанты: от первого танцовщика — верхняя часть туловища, от второго — нижняя, да так, что колени сгибаются назад.

Складывается ощущение, что мы все глубоко больны, в том числе и психически — это ясно, когда на сцене одновременно кто-то дерется с пиджаком, кто-то потрошит плюшевого мишку и натягивает его останки на себя, кто-то спускается на лыжах по отвесной стене... Артисты не просто двигаются, но и выкрикивают что-то нервно по-английски, по-немецки, по-итальянски... Саша Вальц работает не только с пластикой, но и с драматургией и психологией, объясняя, что язык для нее — тоже движение.

Музыка в спектакле — нечто электронное, свистяще-скрежещущее. Непростая была задача у современного берлинского композитора Ханса Петера Куна — передать звуки тела. Как голое тело, так и голая, без декораций, сцена. Апофеозом же стал момент, когда огромная черная стена, стоявшая посередине сцены, неожиданно рухнула плашмя в сторону зала, накрыв вконец ошалевших зрителей легкой ударной волной.

Все 13 артистов были из 13 разных стран — каких угодно, кроме Германии: Америка, Япония, Новая Зеландия... Страшновато было смотреть, что они с собой выделяли на сцене, и успокаивало одно: в Германии артисты надежно защищены — у них хорошие страховки, соблюдаются права (например, если находятся в театре дольше положенного количества часов, им доплачивают) и наверняка подписано согласие на участие в спектакле повышенной опасности. И это был 13-й пункт из тех, которые я насчитала в списке отличий современного немецкого балета от русского.

Реч. Москва - 2004 - 26 марта - с. 6